

<https://doi.org/10.22455/2686-7494-2025-7-3-328-349>
<https://elibrary.ru/LKLZMO>
Научный статья
УДК 821.161.1.09"19/20"

© 2025. М. В. Скороходов

Институт мировой литературы им. А. М. Горького
Российской академии наук
г. Москва, Россия

Последний Уголок Константина Случевского

*Исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта Российского
научного фонда № 22-18-00051-П, <https://rscf.ru/project/22-18-00051/>*

Аннотация: В статье рассматривается творчество К. К. Случевского последних лет его жизни, когда он значительное время проводил на приобретенной и обустроенной им даче Уголок на Нарвском взморье, в Гунгербурге. Поэт стремился обустроить дом и сад, сам высаживал растения и ухаживал за ними. Переписка Случевского и воспоминания его дочери А. К. Случевской-Коростовец позволяют очертить круг дачного общения поэта, занятия его и членов семьи в период проживания в Уголке. Кратко прослеживается история дачи Уголок в XX в. Отмечается, что к настоящему времени все постройки полностью утрачены. Рассматривается поэтическая книга Случевского «Песни из Уголка» (1902), некоторые лирические сюжеты и образы которой вызваны жизнью на лоне природы. Наиболее важны для поэта обнесенный забором сад, пруд, а также берег моря с песчаными пляжами и реки Нарова (Нарва) и Россонь. Также в работе анализируется рассказ Случевского «Две бабушки и странница Акинфия» (1903), действие которого происходит в Гунгербурге и Санкт-Петербурге.

Ключевые слова: К. К. Случевский, «Песни из Уголка», «Две бабушки и странница Акинфия», дача, сад, русская литература, русская поэзия, лирический герой.

Информация об авторе: Максим Владимирович Скороходов, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6390-5670>

E-mail: msk2002@rambler.ru

Дата поступления статьи в редакцию: 10.07.2025

Дата одобрения статьи рецензентами: 07.08.2025

Дата публикации статьи: 25.09.2025

Для цитирования: Скороходов М. В. Последний Уголок Константина Случевского // Два века русской классики. 2025. Т. 7, № 3. С. 328–349. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2025-7-3-328-349>

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Dva veka russkoi klassiki,

vol. 7, no. 3, 2025, pp. 328–349. ISSN 2686-7494

Two centuries of the Russian classics,

vol. 7, no. 3, 2025, pp. 328–349. ISSN 2686-7494

Research Article

© 2025. Maxim V. Skorokhodov

A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia

The Last Nook of Konstantin Sluchevsky

Acknowledgements: The research was carried out at IWL RAS at the expense of a grant from the Russian Science Foundation no. 22-18-00051-P (<https://rscf.ru/project/22-18-00051/>).

Abstract: The article examines the work of K. K. Sluchevsky in the last years of his life, when he spent considerable time at his acquired and equipped country house on the Narva coast, in Gungerburg. The poet sought to arrange the house and garden at his discretion, planted plants himself, and took care of them. Sluchevsky's correspondence and memoirs of his daughter A. K. Sluchevsky-Korostovets allow us to outline the poet's circle of suburban communication, his and family members' activities during their stay in the Nook. The history of the cottage Nook in the 20th century is briefly traced. It is noted that by now all the buildings have been completely lost. The article considers Sluchevsky's poetic book *Songs from a Nook* (1902), some of the lyrical plots and images of which are evoked by life in the bosom of nature. The most important for the poet are the fenced garden, the pond, as well as the seashore with sandy beaches and the Narova (Narva) and Rosson rivers. The work also analyzes Sluchevsky's short story "Two Grandmothers and the Wanderer Akinfiya" (1903), which takes place in Gungerburg and St. Petersburg.

Keywords: K. K. Sluchevsky, *Songs from a Nook*, "Two Grandmothers and the Wanderer Akinfiya," cottage, garden, Russian literature, Russian poetry, lyrical hero.

Information about the author: Maxim V. Skorokhodov, PhD in Philology, Senior Researcher, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6390-5670>

E-mail: msk2002@rambler.ru

Received: July 10, 2025

Approved after reviewing: August 07, 2025

Published: September 25, 2025

For citation: Skorokhodov, M. V. "The Last Nook of Konstantin Sluchevsky." *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 7, no. 3, 2025, pp. 328–349. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2025-7-3-328-349>

Для К. К. Случевского, как и в целом для русской литературной традиции XIX в., усадебная и дачная жизнь — это время, проведенное в деревне, на лоне природы. Показательно в этом отношении входящее в цикл «Черноземная полоса» стихотворение Случевского «Устал в полях, засну солидно...», в котором значим мотив сада, однозначно отсылающий к усадебному топосу:

Устал в полях, засну солидно,
Попав в деревню на харчи.
В окно открытое мне видно
И сад наш, и кусок парчи.
Чудесной ночи... Воздух светел...
[Случевский 2004: 117].

В стихотворении «Висбаден», входящем в цикл «В пути», осуждается такое распространенное в России XIX в. явление как отъезд потомков «отцов и дедов наших праздных» на «ключи целебных вод» и бесцельное времяпрепровождение «над карточным столом». В результате за границей росли и богатели «невзрачные» прежде городки: «Везде росли дворцы; по старым образцам / Плодились парки, фабрики являлись». Однако за пределами России усадьбы обретали черты, свойственные иным культурным традициям, хотя создавались они за счет наших хуторов, благодаря доходам, полученным на русской земле:

Которых тут да там у нас не досчитались,
На родине исчезнув, здесь являлись:
То в легком стиле мавританского двора,
То в грузном, римском, с блещущим фронтоном,
Китайским домиком с фигурками и звоном!
[Случевский 2004: 220].

Напомним, что в первой публикации это произведение, в котором актуализируется мотив усадебного парка, имело заглавие «Тоже русские города» [Случевский 1880: 14–15].

Случевский многие годы отдал военной, а затем гражданской службе, а на склоне лет выстроил для себя и близких родовое гнездо, где создал стихи, которые рассматриваются исследователями как наиболее значимые в его поэтическом наследии. В числе литературных усадеб и дач Уголок Константина Случевского упоминается крайне редко, хотя это не только место проживания и кончины талантливого русского писателя, не только топоним, вошедший в название его последней поэтической книги, но и гостеприимный уголок, куда устремлялись знакомые и друзья владельца дома. Неоднократно упоминает Уголок в посвященных Случевскому исследованиях и в комментариях к публикациям его произведений Е. А. Тахо-Годи, останавливаясь на символике названия последней книги поэта «Песни из Уголка» [Случевский 1902], в которую, как явствует из одного из шмуцтитолов, вошли произведения 1895–1901 гг. Как справедливо отмечает исследователь, «Самим заглавием — “Песни из Уголка” Случевский не только делает бытовое явление — название усадьбы — литературным фактом, но и возвращает своих современников к тому кругу вопросов, которые решала русская поэзия на заре XIX столетия» [Тахо-Годи 2000: 214–215]. Т. П. Мазур полагает, что «Песни из Уголка» «являют собой поэтическую биографию души поэта, души усталой, ищущей тишины и покоя. Жизнь неустроенна, несовершенна, она служит источником горестей и печалей» [Мазур 1: 135]. Т. М. Жаплова, основываясь на анализе книги, констатирует: «Усадьба — территория счастья в элегиях К. К. Случевского. Лирический герой с упоением рассказывает о том, насколько изменилась его жизнь после переселения в “Уголок”» [Жаплова: 286]. О. В. Мирошникова рассматривает уголок как образ-концепт, с помощью которого Случевский в заглавии и первых стихотворениях книги «обозначил свою позицию» —

Эта многозначная метафора раскрывает грани своего смысла на протяжении всего текстового развертывания «Песен...». Главный аспект составляет значение *уголка-дома* как укрытия и убежища, как хранилища и вместилища, он обнаруживается в процессе анализа во многих текстах. Образ *уголка* генерирует сокровенное стремление поэта к уединению, спасению

от суеты мира (горацианский мотив в значительной трансформации). Более всего, как представляется после проведенного анализа мотивного уровня книги, образ *уголка-укрома* Случевского корреспондирует с лирикой Е.А. Баратынского в одной из граней полисемии его значений. Непременным топосом-атрибутом русского мыслящего человека, подводящего итоги своей жизни, своего творчества, при всех поворотах судьбы предстает в качестве «желанного предела» *дом-угол-укром...* [Мирошникова: 34]¹.

В заглавии исследователь видит «многослойность авторской интенции»: «Существование личности представлено одновременно как *тупиковое* (загнанное в угол), *спасенное* (скрытое за надежным забором) и *освобожденное*, тем самым *освобождающее* (обращенное “к лицу двух рек и лику моря”, чем выражалась внутренняя готовность к диалогу со всем миром)» [Мирошникова: 35].

Книга «Песни из Уголка» открывается портретом автора, а на титульном листе — «портрет» Уголка — фотография добротного, недавно выстроенного просторного двухэтажного дома, на балконе которого запечатлены два человека. Дом обнесен плотным, но не очень высоким забором, который упоминается в поэтической книге Случевского.

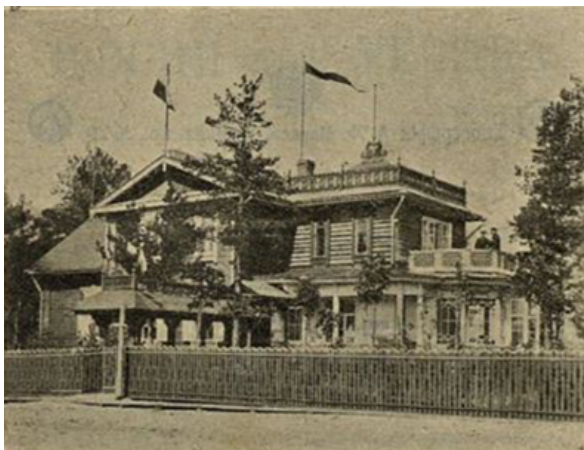

Рис. 1. Главный дом дачи К. К. Случевского Уголок.
Фото рубежа XIX–XX вв.
(Из книги К. К. Случевского «Песни из Уголка» (1902))

¹ Здесь и далее курсив принадлежит авторам цитируемых работ.

Всесторонний анализ поэтических и прозаических произведений Случевского последних лет жизни невозможен без изучения истории того места, где был создан Уголок, той атмосферы, которая воплотилась там благодаря хозяину, его родным и гостям.

Впервые Случевский побывал в Гунгербурге (в 1912–1917 гг. — Усть-Нарова; ныне — Нарва-Йыэсуу на территории Эстонии) и на Нарвском взморье летом 1886 г. во время экспедиции по Северу России, в которой принимали участие великий князь Владимир Александрович и великая княгиня Мария Павловна. В книге «По Северу России», написанной по итогам северных экспедиций, упоминаются и река Россонь, и Гунгербург, и прибрежные дюны. Случевский дает довольно подробное описание места, где спустя десятилетие приобретет участок под дачу:

Усть-Наровою или Гунгербургом начинается длинный ряд приморских купаний финского и балтийского побережья <...> бесконечно унылая, длинная, песчаная *plage* и вдоль нее, тянущийся на пять верст узкий ряд строений, дач, с более или менее простою или вычурною внешностью, поставленных на грани соснового леса и совершенно голых приморских песков; дачи эти оживляются летом многотысячным населением, довольствующимся самым слабым рассолом морской воды для купанья, небольшими цветничками, в которых каждая горсть земли наносная <...>. Раннею осенью, с выездом гостей, все эти дачи запираются, заколачиваются, и жизнь держится только на остроносом уголку собственно Усть-Наровы, при слиянии реки с морем; в этом настоящем, зимнем Гунгербурге всего 1500 жителей <...> [Случевский 1888: 312].

Биограф рода Случевских И. Е. Иванченко полагает, что относящееся к этому времени «близкое знакомство с Нарвой и ее окрестностями привело Константина Случевского к мысли о покупке дома в этих краях, хотя о них поэт был слышан гораздо раньше, так как младший брат поэта Владимир Константинович приезжал на отдых на Нарвское взморье в Силломяэ в 1883 году. <...> В 1890 году поэт сопровождал Александра III и его супругу Марию Федоровну, которые присутствовали во время закладки храма Св. Владимира в Гунгербурге» [Иванченко: 179].

Участок под дом Случевский приобрел у архитектора Сутгофа в 1896 г., когда была учреждена «Комиссия по благоустройству Гунгер-

бурга» [Иванченко: 182]. Старый обветшавший дом разобрали и построили на его месте новый —

большой, просторный, с верхней открытой верандой с южной стороны, на которой по вечерам собиралась вся семья и гости. Его построили по старинке, в стиле дворянских усадеб, со ставнями, с многочисленными боковыми комнатами, <...> по усадебному уютными. С веранды открывался вид на сосновый бор на противоположном берегу Наровы и хорошо просматривался залив. Дом стоял на взгорье, к реке шел спуск, там был разбит сад, планировку которого сделал сам поэт. <...> Случевский много времени проводил в саду, сам сажал цветы и кустарники <...> [Иванченко: 183].

Стены кабинета поэта были украшены оригинальным образом: в паспарту разместили произведения гостей дачи¹, посвященные Уголку, — автографы и печатные тексты [Иванченко: 190]. Эти произведения были опубликованы в 1968 г. по машинописным копиям, представленным дочерью поэта [Случевский 1968: 153–165]. Среди авторов стихов — гостившая в Уголке поэтесса Вера Рудич. Она сравнила Случевского с садовником и описала зримые результаты тех трудов, которым он отдавал свои силы и время:

Жил-был садовник. Чуткою душою
От юных лет, прекрасное любя,
С заботой нежной он своей рукою
Роскошный сад взрастил вокруг себя:
Близ чайной розы ландыш цвел стыдливый,
Среди капризных ярких орхидей
Нарциссов ряд стоял в красе кичливой,
В бассейне водном рос цветок морей

[Иванченко: 191].

¹ Есть все основания называть дом Случевского и прилегающий к нему возделанный участок дачей. Дачные места начали формироваться вокруг Санкт-Петербурга не позже начала XIX в. Достаточно вспомнить очерк А. С. Грибоедова «Загородная поездка» [Скороходов: 311–313].

Были на стенах кабинета и картины художников, которых также с любовью встречали на даче. В целом планировка и интерьеры дома соответствовали традициям классической русской усадьбы: на первом этаже — обширная привезенная из Петербурга библиотека с книгами на пяти языках, у окна кабинета — «массивный письменный стол, на котором кроме книг и рукописей в деревянных резных рамках стояли фотографии детей, членов императорского дома, с которыми был близко знаком поэт, а также фотографии его собратьев по перу <...>». При чем Случевские жили на даче не только в теплое время года, например, они обычно проводили в Уголке Рождество [Иванченко: 192, 193]. По воспоминаниям В. Шуфа, «старые сосны аллеями спускались к берегу светлой Наровы, около маленького пруда теснились редкие растения, цветы, деревца, насаженные самим поэтом. Это был таинственный уголок, словно отгороженный густою зеленью от всего мира»¹.

В. Я. Брюсов, откликаясь на выход «Песен из Уголка» в обзоре русской литературы, опубликованном в британском литературном журнале “The Athenaeum”, отмечал: «“Уголок”² — так называется имение³ поэта, где он обычно отдыхает в летние месяцы. Стихи, объединенные под названием “Песни из Уголка”, по большей части посвящены тривиальным вещам, актуальным темам каждодневной жизни, происшествиям домашнего быта и встречам» [Britjsov: 25]⁴.

Одними из наиболее ценных свидетельств об этой даче являются воспоминания родившейся в 1890 г. младшей дочери поэта от второго брака Александры Константиновны Случевской-Коростовец, написанные спустя столетия после происходивших событий. Воспоминания были напечатаны в 1959 г. в журнале «Грани» [Случевская-Коростовец 1959: 117–122], а в 1996 г. републикованы Е. А. Тахо-Годи со вступительной статьей и комментариями [Случевская-Коростовец 1996: 146–162].

¹ Борей. Маленькие заметки // Новое время. 1904. 27 сентября. № 10264. С. 4.

² В переводе на английский — the Nook, в обратном переводе на русский язык — не только уголок, но и укромный уголок, закоулок, закуток, глушь.

³ В переводе — the estate, т. е. усадьба, поместье, имение.

⁴ Цит. по: [Ильёв: 304]. Исследователь публикует написанную на русском языке рукопись Брюсова, хранящуюся в ОР РГБ.

Аналитическое обращение к воспоминаниям дочери поэта позволяет сделать вывод, что для Случевского в последние годы жизни было важно не только пребывание на лоне природы, но и практическая деятельность, направленная на созидание своими руками Уголка на приобретенной в Гунгербурге земле в соответствии с продуманным им планом. Как вспоминала дочь поэта, летом семья жила в Уголке постоянно, а «отец наезжал из Петербурга очень часто и всецело отдавался посадке растений в саду, планировке дорожек и раскопке болота, которое по старинным планам шведских времен <...> было местом сильных боев, когда Петр Первый наступал на Нарву. Болото расчистили, и превратилось оно в пруд» [Случевская-Коростовец 1996: 147]. Работа по обустройству Уголка стала семейным делом, ее началу предшествовал своеобразный ставший ежедневным ритуал:

Сперва шествовал мой отец с длинной тростью <...>, затем шел садовник Яков Куль с лопатой, тачкой и растениями; затем я — несла палочки с прикрепленными к ним мудреными латинскими надписями. Завершая нашу кильватерную колонну, шел и пятилетний сын нашей кухарки Васяка, тоже с палкой [Случевская-Коростовец 1996: 148].

Как видим, создавались даже не типичные для дворянской усадьбы и в какой-то степени для дачи (с учетом меньших размеров участка) цветники и клумбы, а миниатюрный ботанический сад, гости которого могли узнать, как называется то или иное растение. Без сомнения, указание названий в ботанической коллекции адресовалось не только владельцам, но и гостям.

Александра Константиновна зафиксировала в воспоминаниях характерные для дачно-усадебной жизни дела: уединение в саду для творческих занятий хозяина дома (Случевский вписывал в записную книжку стихи), утренние занятия его дочери с гувернанткой, а также купание в море супруги Случевского Агнии Федоровны Снетковой, урожденной Рерих, вместе с дочерью. Затем — совместный обед (или пикник в лодке), «собрание грибов в лесу» [Случевская-Коростовец 1996: 148].

Случевские были гостеприимными хозяевами — у них дома бывали отдыхавшие неподалеку на курорте Мерреколь (ныне вымирающая

деревня Мерикюла в Эстонии)¹ на берегу Финского залива гости, в числе которых дочь поэта упоминает К. Д. Бальмонта², Д. Н. Кайгородова и Вл. С. Соловьева с сестрой Поликсеной Сергеевной, выступавшей под псевдонимом Allegro. Мужская компания отправлялась, что было характерно для обитателей как усадеб, так и дач, на рыбную ловлю. Случевская-Коростовец вспоминала, что одна лодка, в которой были ее отец и Соловьев с удочками и сетями, переплыв через реку Нарву, оставалась в тихой реке Россонь, соединяющей Нарву с Лугой. Вторая же лодка, в которую брали самовар и купальные костюмы, отправлялась дальше — на Тихое озеро (Вайкне, территория современной Ленинградской области) [Случевская-Коростовец 1996: 148–149].

Случевский приглашал в Уголок Бальмонта в 1902 г. — об этом свидетельствуют слова в одном из писем последнего, от 27 февраля 1902 г.: «Очень бы хотелось воспользоваться Вашей мыслью относительно лета, но я буду очень далеко» [Мазур 2: 228]. Это предложение было реализовано после возвращения поэта-символиста из длительной заграничной поездки — О. А. Коростелев и Ж. Шерон отмечают, что Бальмонт гостил у Случевского, «дача-усадьба которого находилась неподалеку от Нарвы», «летом 1903 и 1904 годов, во время отдыха в Эстонии» [Письма: 89]. О посещении Уголка В. Я. Брюсовым свидетельствует его письмо Случевскому от октября 1901 г.: «Может быть, Вы не забыли тот день (нам очень памятный), когда нам удалось побывать у Вас в Вашем отшельничестве» [Мазур 2: 194]. Для прояснения информации о времени пребывания Случевского в Уголке важно адресованное ему письмо З. Н. Гиппиус от 23 февраля 1902 г., в котором есть такая фраза: «В Петербурге ли вы, или еще в Уголке? Как бы поскорее увидаться <...>» [Что собрания поэтов?: 267].

Среди гостей Уголка, согласно воспоминаниям дочери Случевского, был и великий князь Владимир Александрович, к приезду которого построили беседку с эоловой арфой на вершине, а на потолке появилась

¹ В конце XIX в. Меррекуль, расположенный недалеко от Гунгербурга, на том же Балтийском побережье, был широко известным дачным местом: «Морские купанья, с отлогим берегом и песчаной plage. Сосновый лес, курзал. У берега прекрасный парк. Хорошо устроенные дачи. Жизнь недорога» [Энциклопедический словарь: 135].

² Письма К. Д. Бальмонта В. Я. Брюсову подтверждают, что лето 1903 г. первый из них провел именно в Меррекуле (см.: [Переписка]).

надпись: «“Уголок” 16-го мая 1898 года осчастливил посещением Великий Князь Владимир» [Случевская-Коростовец 1996: 149–150].

Неоднократные упоминания Гунгенбурга в переписке Случевского свидетельствуют о том, что поэт приглашал на свою дачу гостей (в силу разных обстоятельств не всем удавалось воспользоваться его неизменным гостеприимством) и обсуждал с ними вопросы, связанные с ее благоустройством. Показательны в этом отношении слова из письма Брюсова Случевскому, отправленного 25 мая (7 июня) 1902 г. из Венеции: «Желаю жарких дней винограду, который посадили Вы за стеной в Уголке» [Мазур 2: 236]. И еще один характерный пример — из письма Д. Л. Михайловского Случевскому от 11 августа 1902 г., из которого можно судить о содержании неизвестного письма последнего с упоминанием реалий Уголка: «Радует, что Вы дождались настоящих летних дней <...>. Но жалею, что Вы должны, как Вы пишете, на целый месяц сократить пребывание в любимом Вами уголке, где вы произвели на голом песке такую чудовищно-огромную землянику! Культура победила натуру, и успешность собственного труда действительно может привести человека в восторг» [Мазур 2: 238]. И в конце того же письма: «Дочь посылает Вам низкий поклон, благодаря Вас за приглашение в Ваш “Уголок”» [Мазур 2: 241].

М. Н. Ремезов в письме Случевскому от 14 октября 1898 г. информировал корреспондента: «Я писал Вам в Петербург и телеграфировал в Гунгенбург. Оттуда телеграммой меня известили, что Вы выехали в Петербург» [Мазур 2: 147].

Упомянул Уголок и А. А. Луговой, в письме от 8 июня 1899 г. отмечая, что «за неимением его, ничего и просто “в пустыне”» [Мазур 2: 134], имея в виду свой вариант уединения в Луге (Успенская, дом Конопкиной). В одном из ответных писем к Луговому от 25 июня 1899 г. Случевский приглашал его к себе в гости: «Прокатались бы Вы ко мне на несколько дней в “Уголок”, всего 5 часов езды — это немного» [Мазур 2: 165]. В письме от 21 апреля 1900 г. Луговой сообщал Случевскому о болезни («схватил инфлуэнцу») и в связи с этим: «Не знаю, когда удастся мне исполнить мое искреннее желание побывать у Вас в Гунгенбурге» [Мазур 2: 178–179]. Случевский сообщал 18 мая 1900 г. Луговому о позднем получении письма адресата в связи с тем, что «странствовал между Москвою, Ревелем и Гунгенбургом» [Мазур 2: 181].

Родные приезжали в Уголок и после кончины главы семейства,

вплоть до весны 1917 г. В 1918 г. был варварски вырублен «яблоневый сад, любимое детище поэта», в том же году сожжена часть книг библиотеки. В период временной оккупации до заключения в 1920 г. Тартусского мира немецкие солдаты топили книгами печи. В 1936 г. главный дом был разобран, а во время Великой Отечественной войны сгорел гостевой дом [Иванченко: 224].

Ценная информация о даче Случевского содержится в книге директора Нарвского городского музея Е. П. Кривошеева «Курорт Нарва-Йыэсуу». Он пишет, что дача погибла во время пожара конца 1940-х гг. Некоторое время от дачи сохранялась только одна небольшая бревенчатая постройка, в которой во времена поэта размещалась дворницкая, а также «развалины довольно обширного здания с колодцем и заросшим прудом» [Кривошеев: 61]. По сообщению Е. А. Тахо-Годи, в 2004 г., когда исполнилось 100 лет со дня смерти поэта и на месте его кончины собрались исследователи и краеведы, от дома оставался только порог, также тогда можно было различить место расположения забора¹.

Познакомившись с историей Уголка, рассмотрим особенности содланной там поэтической книги, ставшей для поэта итоговой и финальной.

Нельзя не обратить внимания на необычное оглавление «Песен из Уголка» — в нем все стихотворения приведены не в порядке их сквозной нумерации, а по циклам (тематическим блокам), причем произведения, вошедшие в разные циклы, перемешаны и соседствуют друг с другом. В цикл «Уголок» включены следующие стихотворения: «Здесь счастлив я, здесь я свободен...», «Мой сад оградой обнесен...», «В темноте осенней ночи...», «Еще покрыты льдом живые лики вод...», «С простым толкую человеком...», «И вот, сижу в саду моем тенистом...», «С высоты горы высокой...», «Белый мох здесь порастает...», «Я помню, помню прошлый год...», «Мой пруд, он с утра разрисован...», «Я видел Рим, Париж и Лондон...», «Помню: я дерево в землю сажал...», «Всюду ходят привиденья...», «Вдоль Наровы ходят волны...», «По берегам реки холодной...», «Сегодня в церковь не пошел я...», «Было время, в оны

¹ Приношу искреннюю признательность Е.А. Тахо-Годи за предоставление этой и другой ценной информации, использованной в данной работе. Также сердечно благодарю за консультацию С.В. Сапожкова.

годы...», «Здравствуй, товарищ! Поддай-ка мне руку...», «О, как я люблю порою...», «Почву сухую лопатой я опрокинул...», «Когда я здесь, я не могу писать...», «Ночь так длинна! О, нет, довольно!..», «Серебряный сумрак спустился...», «Какая засуха!.. От зноя...», «Стучат на пруду моем капли...», «Я плыву на лодке. Парус...» и «Здесь все мое! — Высь небосклона...». С пребыванием в Уголке и его окрестностях тематически связаны и стихотворения из других циклов, прежде всего «Море и сосны» и «Из природы».

Стихотворение «Здесь счастлив я, здесь я свободен...» (первое пронумерованное произведение книги «Песни из Уголка», следующее за открывающим книгу и не включенным в общую нумерацию стихотворением «Мы — разных областей мышленья...»), первое в цикле «Уголок», имеет кольцевую композицию: его начальное и последнее четверостишие тематически связаны с восприятием поэтом обретенной им дачи — того топоса, которому свойственны свобода и тишина. Это место для размышлений и подведения итогов жизни:

Здесь счастлив я, здесь я свободен, —
Свободен тем, что жизнь прошла,
Что ни к чему теперь не годен,
Что полуслеп, что эта мгла

Своим могуществом жестоким
Меня не в силах сокрушить,
Что светом внутренним, глубоким
Могу я сам себе светить,

И что из общего крушенья
Всех прежних сил, на склоне лет,
Святое чувство примиренья
Пошло во мне в роскошный цвет...
[Случевский 1902: 7].

Только в финале стихотворения становится понятно, что «здесь» — это в Уголке, обустроенном наперекор всем обстоятельствам, в противостоянии с недружелюбной и даже враждебной природой — «Я дом воздвиг в стране бездомной» [Случевский 1902: 8]. Это место, где «все

должны быть прощены», где можно принять и понять каждого, поэтому возможным и вполне объяснимым становится мотив ожидания гостей —

Пускай ко мне, в мой угол скромный,
Идут и жертва, и палач...
[Случевский 1902: 8].

Уголок — место успокоения, примирения с обстоятельствами жизни, со старостью и немощью, и с теми людьми, которые встретились на жизненном пути. В последних строках стихотворения —

Да, в лоно мощного покоя
Вошел мой тихий «Уголок» —
Взросший в грудах перегноя
Очаровательный цветок...
[Случевский 1902: 8]

можно увидеть не только аллюзию к Ветхому Завету («И совершил Бог к седьмому дню дела Свои, которые Он делал, и почил в день седьмый от всех дел Своих, которые делал» — Быт., 2, 2)¹, но и своего рода предупреждение, отсылающее к содержанию следующего стихотворения — «Мой сад оградой обнесен...». Реальный сад уподобляется Эдемскому саду, в котором царят мир и спокойствие:

Мой сад оградой обнесен;
В моем дому живут, не споря;
Сад весь к лазури обращен —
К лицу двух рек и лику моря.

¹ В стихотворении Случевского «А знаете ли вы, что ясной мысли вслед...» из этой же книги стихов возникают размышления о том, что может происходить в восьмой день творения: «Чудесен путь по области идей... / Мир, явленный на свет в восьмой из первых дней! / Ты — вне обязанностей, вне обычных прав: / Ни добр, ни зол, ни честен, ни лукав...» [Случевский 1902: 64, 65]. Сходная тема — в стихотворении «Во мне спокойно спят гиганты...»: «О, нет! Не кончено творенье! / Бог продолжает создавать / И, чтобы мир был необъятней, / Он научил — не забывать!» [Случевский 1902: 197].

Тут люди кротки и добры,
Живут без скучных пререканий;
Их мысли просты, не хитры,
В них нет нескромных пожеланий
[Случевский 1902: 9].

Забор (ограда) является надежной защитой внутреннего пространства от враждебного «бесконечного мира», где «ценность золота — кумир», где «столько крови и задора» [Случевский 1902: 9]. Сначала лирический герой стремится оберегать свой сад от людей с «озлобленным мышлением», но потом понимает, что сад может выполнять целительные функции, что он способен помочь людям с «отравленной душой» «приобщиться» к покою проживающих на даче «скромных, искренних людей». И тот, кто найдет в себе силы преодолеть границы сада, забор, а по сути — уйти от мира, полного «злости и задора», будет спасен. Заботам о саде, которые характеризуются как «вид богослуженья», после «полночной бури» посвящено стихотворение «Сегодня в церковь не пошел я...», в котором упоминается внехрамовая литургия:

В кустах акафист птицы пели,
Безличный, но понятный мне...
[Случевский 1902: 150].

В стихотворении «Я видел Рим, Париж и Лондон...» (цикл «Уголок») Уголок упоминается как место, где можно достичь максимальной степени свободы:

Здесь из бревенчатого сруба,
В песках и соснах «Уголка»,
Где мирно так шумит Нарова,
Задача честным быть легка.

Ничто, ничто мне не указка, —
Я не ношу вериг земли...
[Случевский 1902: 112].

В одном из стихотворений, «И вот, сию в саду моем тенистом...», входящем в цикл «Уголок», лирический герой, размышляя о событиях, которые произойдут после его кончины, задумывается о наследнике — им может оказаться «созревший лицемер». И тогда могут погибнуть результаты всех трудов:

И это все, что здесь с такой любовью,
С таким трудом успел я насадить,
Ему, спокойной, смелою рукою —
Призвав закон — удастся сокрушить...
[Случевский 1902: 48].

Сходные размышления — в стихотворении «Да, да! Всю жизнь мою я жадно собирал...», входящем в цикл «Из мира мыслей». Лирический герой, подводя итоги жизни, полагает, что «часто Плюшкиным и Гарпагоном был» и хранил «множество незначущих вещей», что жизнь протекала у родного очага «в милом обществе любезных мне людей». И возникала мысль: «Я дольше, чем я сам, в вещах останусь жив». Однако со временем приходит осознание того, «что жизни смысл и назначение в том, / Чтоб сокрушить меня и, мне вослед, мой дом» [Случевский 1902: 64, 65].

В стихотворении «Право, не больше чем в полчаса времени...» из цикла «Времена года» предстает пейзаж после мощного снегопада, который преобразует не только «горы и лес», но и сад:

Что было в осень поломано, выжжено,
Сад, что местами раскопан и взрыт,
Даже кусты и деревья умершие
Все поюнели и бодры на вид
[Случевский 1902: 95].

Эти строки созвучны проходящим через всю поэтическую книгу размышлениям об утраченной юности. Природа, в том числе любимый лирическим героем сад, и даже «деревья умершие», в отличие от человека, легко могут преобразиться и вернуть себе черты, характерные для юности.

Говоря о саде, Случевский употребляет местоимение «мой» — и мы понимаем, что поэтические образы навеяны садом на его даче. Был там и пруд, тоже «мой»; любование им вдохновило поэта на создание стихотворения «Мой пруд, он с утра разрисован...» из цикла «Уголок»¹. Автор не называет время года, но на основе фенологического анализа текста легко установить, что характеризуется конец весны или самое начало лета — пруд весь «В опавших сережках ольхи» [Случевский 1902: 104]. К этому же времени года относятся упоминания пруда в стихотворении «Чуть тронулись вешние почки» и сада — в «Помню: я дерево в землю сажал...» из цикла «Уголок».

Многие строки поэтической книги наполнены любовью к растениям, причем не только к тем, что выращивались на территории дачи. Так, в стихотворении «Эта злая буря пронеслась красиво...» из цикла «Море и сосны» звучат искренние переживания в связи с гибелью сосны: «Плачь, душа, плачь горько, по сосне убитой! / Лейтесь, лейтесь, слезы, молчаливо-дружно...» [Случевский 1902: 184]; а в другом, «Гляжу на сосны, — мощь какая!..» (из того же цикла), — не менее искреннее восхищение другой сосной: «А вот вблизи — сосна другая: / Ничем не тронута, она, / Шатром ветвей не расширяясь, / Взросла — красива и стройна...» [Случевский 1902: 221].

С прогулками по берегам Наровы и рыбалкой связано стихотворение «Вдоль Наровы ходят волны...» из цикла «Уголок»: «Тянем, тянем... Что-то будет? // Окунь, щука, сиг, лосось?» [Случевский 1902: 142]. Истории Нарвского взморья и его окрестностей посвящены стихотворения «Всюду ходят привиденья...» и «Было время, в оны годы...» (оба включены автором в цикл «Уголок»), прокомментированные Е. А. Тахо-Годи [Случевский 2004: 720, 721].

В предпоследнем стихотворении поэтического сборника и завершающем цикл «Уголок», «Здесь все мое! — Вись небосклона...», лирический герой расширяет свое («мое») пространство, которое теперь простирается далеко за пределы окружающего сад забора, когда-то казавшегося непреодолимым:

¹ См. также стихотворение «Стучат по пруду моем капли...» из того же цикла.

Здесь все мое! — Высь небосклона
И солнца лик, и глубь земли,
Призыв молитвенного звона
И эти в море корабли;

Мои — все села над равниной,
Стога, возникшие окрест,
Река с болтливою стремниной
И все бывшее этих мест...

[Случевский 1902: 253].

Как справедливо отмечает Е. А. Тахо-Годи, «к концу книги автор перестает быть обладателем “дома” как замкнутого, отъединенного пространства — “дом” как таковой окончательно исчезает, уступая место всему миру» [Тахо-Годи 2020: 276]. Жизнь в Уголке, в любви и согласии, где бессильны внешние негативные влияния на человека, позволяет сделать своим то, что было раньше чужим. Причем «моим» становится и прошлое, история — «бывшее». Добро и любовь позволяют нивелировать отрицательное воздействие внешних сил.

В контексте нашего исследования заслуживает внимания рассказ Случевского «Две бабушки и странница Акинфия», действие которого начинается «под вечер на пляже в Меррекуле», где общаются друг с другом два статских советника, среди них мелкий литератор Михай Михеевич Перебойников. Выясняется, что оба героя живут на дачах (в пансионе). Автор дает описание местного пейзажа — Нарвского взморья:

Тучи дали над самым горизонтом широкую расщелину, в которую хлынул, чрезвычайно быстро, горячий ярко-красный солнечный свет и пустил по морю множество огненных искр, двигавшихся по его поверхности сплошной сетью. Кое-где на сети этой чернели рыбацьи лодочки, выезжающие с вечера из устья близкой Наровы на ночную ловлю, а вдали в море подвигался к этому устью громадный морской пароход. Он пустил в ход <...> голос своей сирены, настолько сильный, что он раскатывался не только по пляжу, но и забегал даже во все дачки и даже задворки <...> [Случевский 1903: 1].

Бабушки, главные героини рассказа, Колотушкина и бывшая при ней приживалкой бывшая губернаторша Пилевина, «жили на небольшой даче, окруженной весьма небольшим и довольно-таки запущенным садиком» [Случевский 1903: 1]. В быту, а часто и весьма полезными советами им помогала горничная Аглая. В двухэтажном арендуемом доме было несколько комнат, в том числе спальни, гостиная, столовая, светелка, а также невысокий балкон. В большинстве же меррекульские дачи были невзрачными, а садики при них — маленькими. Только на самой богатой даче был дворник, он же садовник. По ночам «постукивала по закоулочкам Меррекуля классическая немецкая трещотка ночного сторожа» [Случевский 1903: 4], доносились до дач звуки волн. Недалеко находилась станция Корф Балтийской железной дороги, куда отправилась изгнанная с дачи Пилевина, и поезд миновал Ямбург, Гатчино и Красное Село. Губернаторшу заменила странница Акинфия, на деле оказавшаяся вошедшей в доверие воровкой. События нескольких глав разворачиваются в Петербурге. Проходит зима, и вновь возникают мысли о дачах:

Удивительной чертой наших петербургских дач является то, что дачники, за малыми исключениями, к прежним местностям не возвращаются. То да то нехорошо, то да то неудобно. Может быть, в другом месте будет лучше? Едут в другое место, но там то же самое: опять неудобства, опять нет ничего лучшего, так что на третий год они едут по третьему направлению. Да и должно сказать по правде, что наши дачи даже самым простым гигиеническим условиям не удовлетворяют <...>. Мебель на них плоха. Дворник на даче нередко пьян, а сами хозяева нимало не заботятся о садиках, оставляя их на произвол судьбы, и садики эти зарастают бурьяном; вдоль забора высится многостебельная крапива, а деревья, чуть ли не каждое, поранено тем или другим способом... [Случевский 1903: 12].

И затем со знанием дела Случевский пишет о хозяевах, любящих свои садики, о выращивании грунтовых растений. И приходит к той же мысли, которая звучит в созданной тогда же пьесе А. П. Чехова «Вишневый сад»: «Нет помещиков, — нет усадеб, почти все они уничтожены <...> огнем, топором и гниением. О саде, когда-то густо отененном столетними деревьями, нет и помину: он почти весь запахан или пошел под огород» [Случевский 1903: 12]. И в Меррекуль, где тоже «почти

полное запустение» [Случевский 1903: 12], в конце мая нахлынули дачники, по большей части впервые туда приехавшие. Рассказчик отмечает, как постепенно оживает и преобразуется пространство: проводят комнаты, чинят балконы и заборы, обустраивают площадки для тенниса и крокета, ставят павильон для музыки и скамейки для отдыха. Приехали в Меррекулю и Колотушкина с губернаторшей, которая теперь была еще больше ею унижена. В рассказе «Две бабушки и странница Акинфия» Случевский мастерски описал пейзажи Нарвского взморья, которыми он любовался на протяжении нескольких лет.

Изучение литературных и культурных контекстов, связанных с дачей Случевского Уголок, демонстрирует, насколько важны традиции русской усадьбы не только для отечественных писателей, обустроивших и воспевавших в своих произведениях дачи, но и для людей разных профессий и уровня доходов, благодаря настойчивости и упорству которых создавались и укреплялись «дачные местности», ставшие местом отдыха и общения.

Список литературы

Источники

Переписка с К. Д. Бальмонтом / вступ. ст. и подгот. текстов А. А. Нинова; коммент. А. А. Нинова и Р. Л. Щербакова // Литературное наследство. М.: Наука, 1991. Т. 98: Валерий Брюсов и его корреспонденты. С. 30–239.

Письма К. Д. Бальмонта к К. К. Случевскому / публ. О. Коростелева и Ж. Шерона // Русская литература. 1998. № 1. С. 88–94.

Случевская-Коростовец А. Воспоминания об отце // Грани. 1958. Апрель–июнь. № 42. С. 117–122.

Случевская-Коростовец А. Воспоминания об отце / вступ. ст., публ. и коммент. Е. А. Тахо-Годи // Контекст: Литературно-теоретические исследования. 1994–1995. М.: Наследие, 1996. С. 146–162.

Случевский К. К. Две бабушки и странница Акинфия: Рассказ. СПб.: Тип. «Биржевых ведомостей», 1903. 14 с.

Случевский К. К. Забытые стихотворения = Slučevskij Konstantin K. Vergessene Gedichte, mit einer Einf. von Dmitrij Tschizewskij, einigen dem Dichter gewidmeten Gedichten, einem Aufsatz V. Brjusovs und drei Abb. hrsg. von Hans-Jürgen zum Winkel. München: Wilhelm Fink Verlag, 1968. 184 s.

Случевский К. К. Песни из Уголка. СПб.: Изд. А.Ф. Маркса, 1902. 264 с.

Случевский К. К. По Северу России. СПб.: Тип. Эдуарда Гоппе, 1888. Т. 3: Балтийская сторона. Путешествия их императорских высочеств великого князя Владимира Александровича и великой княгини Марии Павловны в 1886 и 1887 гг. 488 с.

Случевский К. К. Стихотворения. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1880. Кн. 1. 240 с.

Случевский К. К. Стихотворения и поэмы / вступ. ст., сост., подгот. текста, при-меч. Е. А. Тахо-Годи. СПб.: Академический проект, 2004. 816 с.

Что собрания поэтов? Письма Д. С. Мережковского и З. Н. Гиппиус К. К. Случевскому (1899–1902) / публ. О. А. Коростелева // Литературоведческий журнал. 2001. № 15. С. 261–270.

Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб.: Ф. А. Брокгауз-И. А. Ефрон, 1896. Т. XIX. 491 с.

Britjsov Valerii. <Continental Literature. July, 1901, to July, 1902>. Russia // The Athenaeum. 1902. July 5. № 3897. P. 24–26.

Исследования

Жаплова Т. М. Образ русской усадьбы в поэзии XIX – начала XX века. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2006. 428 с.

Иванченко И. Е. Родов связующая нить: хроника русских семей в документах, фотографиях, дневниках, воспоминаниях и в эпистолярном наследии: [род Случевских]. СПб.: Алетейя, 2011. 635 с.

Ильёв С. П. Обзоры русской литературы Валерия Брюсова для английского журнала «Атенеум» (1901–1906) // Брюсовские чтения 1980 года. Ереван: Советакан грох, 1983. С. 275–349.

Кривошеев Е. П. Курорт Нарва-Йыэсуу. Таллин: Ээсти раамат, 1968. 96 с.

Мазур Т. П. К. К. Случевский: основные этапы творческой биографии: дис. ... канд. филол. наук. М., 1974. Т. 1. 195 с. Т. 2: Письма Случевского. 257 с.

Мирошникова О. В. Итоговая книга в поэзии последней трети XIX века: архитектура и жанровая динамика: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Омск, 2004. 45 с.

Скороходов М. В. Усадебный мир Грибоедова и его рецепция в литературном пространстве Хмелиты // А. С. Грибоедов и его эпоха: Хмелитский сборник № 18 / отв. ред. Е. В. Аблогина, М. В. Скороходов. М.: МАКС Пресс, 2023. С. 305–320. <https://doi.org/10.29003/m3672.khmelita-18/305-320>

Тахо-Годи Е. А. Константин Случевский. Портрет на пушкинском фоне. СПб.: Алетейя, 2000. 400 с.

Тахо-Годи Е. А. Философское осмысление образа «дома поэта» в книге К. К. Случевского «Песни из угла» // Предсимволизм — лики и отражения / под ред. Е. А. Тахо-Годи. М.: ИМЛИ РАН, 2020. С. 272–284.

References

Zhaplova, T. M. *Obraz russkoi usad'by v poezii XIX – nachala XX veka* [The Image of the Russian Estate in Poetry of the 19th – Early 20th Century]. Orenburg, Orenburg State Pedagogical University Publ., 2006. 428 p. (In Russ.)

Ivanchenko, I. E. *Rodov svyazuiushchaia nit': khronika russkikh semei v dokumentakh, fotografiakh, dnevnikakh, vospominaniiah i v epistoliarnom nasledii: rod Sluchevskikh* [A Link Between Generations: A Chronicle of Russian Families in Documents, Photographs, Diaries, Memoirs, and Epistolary Heritage: The Sluchevsky Family]. St. Petersburg, Aleteia Publ., 2011. 635 p. (In Russ.)

Il'ev, S. P. "Obzory russkoi literatury Valerii Briusova dlia angliiskogo zhurnala 'Ateneum' (1901–1906)" ["Reviews of Russian Literature by Valery Bryusov for the English Magazine 'Athenaeum' (1901–1906)"]. *Briusovskie chteniia 1980 goda* [Bryusov Readings of 1980]. Yerevan, Sovetakan grokh Publ., 1983, pp. 275–349. (In Russ.)

Krivosheev, E. P. *Kurort Narva-Iyesuu* [Narva-Yyesuu Resort]. Tallin, Eesti raamat Publ., 1968. 96 p. (In Russ.)

Mazur, T. P. K. K. *Sluchevskii: osnovnye etapy tvorcheskoi biografii* [K. K. Sluchevsky: The Main Stages of Creative Biography: PhD Dissertation], vol. 1, vol. 2: *Pis'ma Sluchevskogo* [Sluchevsky's Letters]. Moscow, 1974. 195, 257 p. (In Russ.)

Miroshnikova, O. V. *Itogovaia kniga v poezii poslednei treti XIX veka: arkhitektonika i zhanrovaia dinamika* [The Final Book in Poetry of the Last Third of the 19th Century: DSC Thesis, Summary]. Omsk, 2004. (In Russ.)

Skorokhodov, M. V. "Usadebnyi mir Griboedova i ego retseptsia v literaturnom prostranstve Khmelita" ["The Estate World of Griboedov and Its Reception in the Literary Space of Khmelita"]. Ablogina, E.V., and M.V. Skorokhodov, editors. *A. S. Griboedov i ego epokha: Khmelitskii sbornik № 18* [Aleksandr Griboedov and His Epoch: Khmelitsky Sbornik no. 18]. Moscow, MAX Press Publ., 2023. pp. 305–320. <https://doi.org/10.29003/m3672.khmelita-18/305-320> (In Russ.)

Takho-Godi, E. A. *Konstantin Sluchevskii. Portret na pushkinskom fone* [Konstantin Sluchevsky. Portrait on a Pushkin Background]. St. Petersburg, Aleteia Publ., 2000. 400 p. (In Russ.)

Takho-Godi, E. A. "Filosofskoe osmyslenie obraza 'doma poeta' v knige K. K. Sluchevskogo 'Pesni iz ugolka'" ["Philosophical Interpretation of the Image of the 'Poet's House' in K. K. Sluchevsky's Book 'Songs from the Corner'"] Takho-Godi, E. A., editor. *Predsimvolizm — liki i otrazheniia* [Presymbolism — Faces and Reflections]. Moscow, IWL RAS Publ., 2020, pp. 272–284. (In Russ.)